

НОВЫЯ КНИГИ:

А. К. ГОРНОСТАЕВ. РАЙ НА ЗЕМЛЕ. Къ идеологии творчества М. Ф. Достоевского. Ф. М. Достоевскій и Н. Ф. Федоров. 1929.

А. Н. Горностаевъ является, повидимому, главнымъ представителемъ федоровскаго теченья. Въ недавно вышедшей книжкѣ «Рай на земле» онъ пытается установить близость между Достоевскимъ и Н. Федоровымъ. Онъ хочетъ показать, что у Достоевскаго была уже основная идея Н. Федорова, но недостаточно осознанная. Аргументы свои онъ связываетъ со смертью Ильюши и образованіемъ союза мальчиковъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» и съ уходомъ Алеши для дѣйствія въ міру послѣ пережитаго имъ рожденія къ новой жизни. По мнѣнію А. Горностаева, время сейчасъ «достоевствуетъ.» Горностаевъ пытается формулировать основную тему русской литературы и русской религіозной мысли: «Основная, можно сказать, единственная тема русской религіозной мысли — то, откуда все исходило и къ чему возвращалось, центральная ось, вокругъ которой нарастала сила движения — идейная задача, определившая собой весь ходъ развитія ее — можетъ быть обозначена всего четырьмя словами: «ЦАРСТВО БОЖЬЕ НА ЗЕМЛЕ.» (стр. 17) или «рай на земле». Величайшимъ и самымъ сознательнымъ выразителемъ этой русской темы и идеи для него является Н. Федоровъ съ его «общимъ дѣломъ», проектомъ всеобщаго воскрешенія мертвыхъ. Я бы сказалъ, что основная русская идея есть не столько исканіе рая на землѣ, сколько исканіе правды на землѣ. Исканіе Царства Божьяго глубоко заложено въ русской литературѣ и русской мысли, и оно нерѣдко принимаетъ формы хилиастическія. Въ этомъ сказался эсхатологизмъ русскаго религіознаго типа. Н. Федоровъ безспорно характерно русскій мыслитель, по немъ можно изучать коренныя особенности русскаго религіознаго мышленія — печалованіе о людскомъ горѣ, исканіе соціальной правды и вѣчнаго спасенія, жажду воскре-

сенія. А. Горностаевъ полемизируетъ противъ Вячеслава Иванова, который въ своей статьѣ о Достоевскимъ по поводу смерти Ильюши говоритъ о безсмертіи души и не говоритъ о воскресеніи во плоти. Онъ правъ, конечно, что христіанство учить не столько о безсмертіи души, сколько о воскресеніи, хотя самъ Достоевскій постоянно говорилъ о безсмертіи души, какъ о центральной своей идеѣ. Въ ходѣ мыслей А. Горностаева мы находимъ тѣ же недостатки и провалы, что и у самого Н. Федорова. Н. Федоровъ былъ мыслитель гениальный и дерзновенный, но у него было ослаблено чувство первороднаго грѣха и зла, и на этой почвѣ былъ крайній оптимизмъ и утопизмъ, была рационалистическая вѣра въ возможность совершеннаго уничтоженія въ міровой жизни дѣйствія силъ ирраціональныхъ и таинственныхъ, не подлежащихъ регуляціи, было непониманіе антиномическаго и парадоксальнаго отношенія христіанства къ смерти, которая есть не только послѣднее и предѣльное зло, но и путь спасенія («смертью смерть поправъ»), т. е. недостаточное пониманіе тайны Креста и Голгофы. Идея рая на землѣ и есть идея совершенной рационализаціи міровой жизни. Это — ложная утопическая идея, ложное прельщеніе неосуществимымъ земнымъ счастьемъ. Царство Божье предполагаетъ преображеніе земли и міра, новую землю и новое небо, на старой же, грѣшной землѣ Царство Божье не можетъ быть вмѣщено. Въ фелоровской идеѣ воскршенія умершихъ предковъ есть огромная и чисто христіанская истина, но онъ прѣдалъ ей характеръ земной утопіи, напоминающей утопію Сень-Симона, Фурье и имъ подобныхъ. А. Горностаевъ хочетъ реальнаго религіознаго дѣйствія, о которомъ пророчествовала русская литература, и видитъ это реальное религіозное дѣйствіе въ общемъ дѣлѣ воскршенія умершихъ предковъ. Стоитъ ли онъ на пути реальнаго религіознаго дѣйствія? Въ дѣйствительности онъ лишь проповѣдуетъ идею общаго дѣла воскршенія, реальныхъ же путей осуществленія въ дѣйствіи этой идеи онъ не показываетъ. Пока это остается въ стадіи воздѣйствія на сознаніе и міросозерцаніе, т. е. не имѣетъ дѣйственныхъ преимуществъ передъ другими идеологическими направленіями. Но представимъ себѣ, что проектъ Н. Федорова осуществился, что умершіе предки воскрешены, восстановлена всеобщая жизнь. Означало ли бы это наступленіе рая на землѣ, осуществленіе Царства Божьяго? Почему воскршеніе умершихъ означаетъ побѣду надъ первороднымъ грѣхомъ, окончательное преодоленіе зла, гдѣ гарантія, что воскрешенные не начнутъ опять истреблять другъ друга и сѣять смерть? Федоровскій проектъ воскршенія предполагаетъ, какъ свое религіозное, духовное условіе, всеобщее единеніе любви, т. е. побѣду надъ грѣхомъ и зломъ. Воскршеніе само по себѣ, осуществленное средствами техники и науки, можетъ быть и сатаническимъ замысломъ, т. е. ложнымъ притязаніемъ вкусить

отъ древа жизни и жить вѣчно послѣ грѣхопаденія, противъ котораго Господь предостерегаетъ въ книги Бытія. Менѣе всего, конечно, замысль Н. Федорова былъ сатаническимъ. Но если оторвать его отъ религіозныхъ, христіанскихъ основъ, то онъ станетъ такимъ. И федоровство можетъ сейчасъ въ Россіи пойти по ложному пути. Человѣкъ призванъ соучаствовать въ дѣлѣ Воскресенія, онъ активенъ, а не пассивенъ, въ этомъ правда Федорова, но Воскресеніе можетъ быть осуществлено лишь благодатной силой Христовой и не можетъ быть ни на мгновение отъ нея оторвана, иначе оно превратится въ черную магію. И творческое дѣло человѣка на землѣ не можетъ быть исчерпано воскрешеніемъ, оно многообразнѣе и шире. Это творческое дѣло человѣка не можетъ быть и созданіемъ рая на землѣ, рай не создается творческимъ усиленіемъ человѣка. Рай есть благословеніе и одареніе Божье. Путь же человѣческаго творчества трагиченъ, онъ всегда предполагаетъ крестъ и страданіе. А. Горностаевъ съузиль русскую идею. Книжка его о Достоевскомъ и Н. Федоровѣ интересна и дѣйствуетъ возбуждающе на мысль, она характерна для нѣкоторыхъ русскихъ настроеній и теченій, но невозможно принять на вѣру религіозное дѣйствіе, къ которому она призываетъ. Остается огромная неясность, какъ приступить къ религіозному дѣйствію, что можно признать началомъ дѣйствія, если не считать такимъ дѣйствіемъ идеологическую проповѣдь. Мысли А. Горностаева заслуживаютъ сочувствія, какъ русское исканіе осуществленія христіанства въ жизни, какъ творческое движеніе въ Православіи. Правда Федорова и федоровства прежде всего въ томъ, что они не ограничиваютъ христіанство дѣломъ личнаго потусторонняго спасенія, что они видятъ въ христіанствѣ и дѣло социальное и космическое. И это есть правда русская.

Николай Бердяевъ.

HANS KOCH. Die russische Orthodoxie im Petrinischen Zeitalter. Ein Beitrag zur Geschichte westlicher Einflüsse auf das ostslavische Denken. — Osteuropa Institut in Breslau, Quellen und Studien. Priebatsch's Buchhandlung, Breslau und Oppeln, 1929, s. 191.

Книга Коха озаглавлена неточно. Авторъ не даетъ общей характеристики русскаго православія при Петрѣ Великомъ. Онъ говоритъ только о «богословскомъ кризисѣ» этого времени, о столкновеніи «скрытаго романизма» и «скрытаго протестантизма» въ тогдашнемъ русскомъ богословіи. Въ сущности Кохъ повторяетъ тему Самарина и идетъ немногимъ дальше его.